

ФИЛОСОФИЯ

Кондрашов Петр Николаевич

канд. филос. наук, доцент

Артемова Анастасия Александровна

студентка

Уральский Федеральный университет

Екатеринбург, Свердловская область

ИСТОРИЧНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕКРАСНОГО

Аннотация: в статье исследуется исторический аспект формирования и изменения эстетических ценностей и ориентаций человечества. Описывается теория праксиса, предложенная Марксом. Выявлена взаимосвязь между развитием общества и изменением его эстетического взгляда на мир.

Ключевые слова: прекрасное, историчность, праксис, эстетическое отношение-к-миру, ценности, эстетическое как экзистенциальная захваченность.

Парадоксальность нынешнего общественного бытия, помимо всего прочего, на наш взгляд, состоит в том, что сегодня мы на каждом шагу сталкиваемся с теми или иными явлениями, которые раньше были либо вообще незаметны в силу своей невключенности в нашу жизнь, а потому мы по отношению к ним оставались абсолютно равнодушными, либо с явлениями, к которым общественное сознание относилось с презрением и отвращением, но сегодня эти феномены вдруг, с того, ни с сего, врываются в нашу с вами повседневную жизнь уже совершенно иными, другими, а именно не просто знакомыми, но и какими-то близкими, влекущими к себе, притягивающими и захватывающими. Они предстают перед нашим взором значимыми, ценными, прекрасными...

В этом смысле наш эстетический мир как будто переворачивается и происходит переоценка всех прежних ценностей. Так, если еще недавно наши родители с ужасом говорили вслух о половых отношениях, и даже невинные эротические сцены в кино воспринимались как пошлятина, при которой краснели не только девушки, то сегодня даже дети не удивляются порнографии, зачастую всей семьей просматривая подобного рода кинематографическую продукцию.

Само собой разумеется, что эстетизация происходит непрерывно: одни эстетические ценности сменяются другими, одни явления, считавшиеся ранее прекрасными и возвышенными, сегодня вдруг объявляются низменными и безобразными. Но особенностью нынешнего положения дел является то, что эстетизации подвергается все, т.е. не остается старой, как мир, диалектики (или даже, если хотите, дихотомии) прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, комического и трагического. Все объявляется ценным, а значит, и прекрасным...

Эта расплывчатая аморфность эстетических категорий в постсовременности из-за тотализации процессов эстетизации заставляет задуматься над тем, почему же это происходит? Что лежит в основе наших представлений о прекрасном и безобразном, о низменном и возвышенном? И почему содержание этих феноменов исторически изменяется? – Попытаемся ответить на этот вопрос посредством марксистского (деятельностного, праксеологического) истолкования категории прекрасного, взятой в перспективе/ретроспективе ее исторического развития.

С точки зрения Маркса, предметный праксис представляет собой диалектику процедур опредмечивания и распредмечивания, *Äußerung* и *Aneignung*, в процессе развертывания которых «мое», «внутреннее» сначала становится «внешним», принадлежащим предметности, а затем – «внутренним» достоянием другого, который практическим (физическим или духовным) образом использует созданный мною предмет. Предметность, таким образом, имманентно связывает индивидов друг с другом в интерсубъективной связи.

Но в этой интерсубъективной сущности предметности кроется очень важный момент: человеческое существо эмоционально переживает свое отношение к предмету и, соответственно, свое отношение к другому человеку. Такое переживание представляет собой экзистенциальную равнодушность, симпатию (в смысле со-страдания, со-переживания, со-чувствия), сущностно свойственную только человеческому существу.

Эстетическое (ближайшей модификацией которого является категория прекрасного) понимается нами как предельная категория эстетики, выражающая неутилитарное эмоциональное переживание субъектом своего собственного чувственного восприятия явления, которое «захватывает» экзистенцию субъекта, не оставляет его равнодушным по отношению к этому явлению, ибо в предметном мире человек воплощает самого себя как экзистенциальное существо [1; 3, с. 665–666].

Сущность этой сопереживающей природы человека (συμπάθεια) состоит в том, что в рамках того или иного отношения он способен быть эмоционально захвачен объектом, подобно тому, как у нас захватывает дух от созерцания грандиозных сооружений, природных стихий вроде грозы или во время по-настоящему нежного поцелуя.

Итак, исходя из марксовской теории праксиса, прекрасное мы понимаем не столько категориально, сколько эмоционально и образно-праксеологически [4], т. е. рассматриваем содержание этого феномена, исходя из тех общих социальных условий, порожденных общественным праксисом, всегда укорененным в системно-бытийных потребностях, условий, которые детерминируют те или иные представления о красоте и прекрасном. Постольку, поскольку в основе социального бытия лежит деятельность, направленная на производство и воспроизводство этого самого бытия, то именно она детерминирует содержание осмысляющего, репрезентирующего и «отражающего» это бытие сознания. В том числе и сознания эстетического.

Прекрасное есть эстетическая ценность, т.е. значимость, но в разных условиях значение имеют различные явления. Это, конечно, только лишь фиксация относительности, релятивности ценностей. Момент же историчности эстетических ценностей связан с тотальной историчностью самого социального бытия: постольку, поскольку люди в своей жизнедеятельности непрерывно преобразуют среду своего существования (Umwelt), то тем самым изменяют и свои отношения друг к другу (Mitwelt), к природе, к миру техники, к самим себе (Eigenwelt). А коль скоро это так, то в каждую (более или менее отличающуюся от предыдущей) эпоху значимыми для людей становятся уже совершенно другие явления, ибо значимость явлений как раз-то и определяется системой наших отношений к-ним, а последние укоренены в структуре наших конкретных потребностей. А если преобразуется окружающий мир, что-то исчезает, что-то появляется, то изменяются и потребности, связанные с этими исчезающе-появляющимися феноменами.

Как правило, изменения мира обнаруживают себя в появлении совершенно новых вещей, которых ранее ни в природе, ни в культуре не существовало. Собственно говоря, именно в созидании именно такого рода вещей и состоит преобразующая сущность человеческой деятельности. Так, еще 10–15 лет назад не было сотовых телефонов, а сегодня для многих «мобильник» – вопрос жизни и смерти. Не было потребности – появилась. Основа ее появления – преобразование мира (старого стационарного телефона). Более того, наличие самих мобильных телефонов радикально изменяет отношения людей друг к другу: если раньше люди общались лично или посредством почты, иногда годами ожидая встречи или весточки, то теперь просто достаточно нажать кнопку. Но при этом исчезла какая-то теплота и интимность отношений, они стали какими-то механистичными, безжизненными, – в век информационных технологий, видимо, нет места задушевной нежности, нежности, которую древние называли словом *intimus*. Эти модальности отношений просто-напросто обесцениваются, т.е. теряют свою значимость для людей.

Но те же самые процессы характерны и для ценностей эстетических, в том числе и для наиболее фундаментальной из них, как прекрасное.

В своей практике люди оказываются втянутыми и в такие отношения с вещами, которые отражают в себе моменты чувственно-созерцательного удовольствия или неудовольствия. Это чувственное отношение обнаруживает себя в таких феноменах, как «нравится» или «не нравится». Сегодня для нас, например, вполне естественными кажутся правильные очертания предметов (круг, квадрат, треугольник, плавные линии), потому что нас окружают вещи, имеющие именно такие геометрические формы. И если мы вдруг сталкиваемся с неправильными формами или пропорциями, то предмет ими обладающий, кажется нам безобразным. Т.е. господство тех или иных форм предметов (или звуков) в общественной практике находит свое идеальное выражение и воплощение в эстетических ценностях и эстетическом вкусе, т. е. в эстетическом сознании.

Эстетические ценности возникают из предметной деятельности человека, оказываясь со временем одной из его наиболее существенных модальностей. Так, охотники эпохи палеолита никогда не обращали внимания на растительный мир вне его утилитарного использования во время собирательства, что нашло свое отражение в полном отсутствии изображения цветов на пещерных рисунках. Поэтому для первобытной женщины из племени охотников букет цветов, гипотетически подаренный ей ее соплеменником, эстетически ничего не значил. Другое дело, когда мы встречаемся с земледельческими культурами эпохи неолита, для которых растения играют фундаментальную социально-бытийную роль: формы цветов начинают рассматриваться в качестве чего-то сакрального, значимого [2, с. 99–100].

То же самое влияние социального праксиса на содержание эстетического восприятия мы обнаруживаем и на эстетических восприятиях гендерных характеристик. Например, в эпохи, предшествующие современной стадии развития капитализма, красивыми считались полные, дородные женщины, в то время как сегодня, напротив, красивы – худые и стройные. – Почему произошел такой исторический эстетический «переворот»? – Видимо, эта историчность связана с

тем, что до времен эмансипации женщин и сексуальной революции женщина большей частью рассматривалась как мать, хранительница домашнего очага, хозяйка, детородная машина и т. п. Следовательно, основной ее функцией была функция рождения и вскармливания детей. А это, как известно, требует соответствующей конституции тела.

Другое дело – сегодня: женщины освобождены, большей частью они независимы, многие самостоятельно «делают карьеру» и, соответственно, им уже не хочется отягощать себя такой обузой, как дети и семья. Отсюда – снижение рождаемости в наиболее развитых странах, где предпочитают детей усыновлять или заводить суррогатных матерей. Но все эти социальные факторы с неизбежностью повлияли и на эстетический образ женщины: если теперь ей нет необходимости рожать, то отпадает также и необходимость быть детородной. Следовательно, в моду входят стройность и худоба, диеты и шейпинг.

Кстати заметить, аналогичная ситуация имеет место и с образом мужчины: из могучего охотника-воина-землепашца-рабочего он превращается в утонченного интеллигента-бизнесмена-офисного работника. Общая динамика перехода от мощи к утонченности в женской и мужской красоте налицо. Думается, что движение к постиндустриальному обществу даст нам красавиц, страдающими анорексией, и красавцев-программистов.

Более того, женщины сегодня эстетически воспринимают мир уже не через очки нежности и утонченности, а сквозь призму деятельной активности (бизнесвумен), агрессивности (женщина-вамп), холодности и надменности (роковая женщина), в то время как мужчины, напротив, теряют свою былую маскулинность и в рамках современного праксиса становятся более женственными, что прямо выражается в появлении мужской моды, мужской парфюмерии, мужского маникюра-педикюра и т.д. Эстетика мужского и женского меняется местами в прямом соответствии со структурным изменением социальных ролей мужчин и женщин.

Итак, мы видим, что традиционные социальные условия детерминируют один образ прекрасного, индустриальные – другой, постиндустриальные – третий. Но самое важное здесь состоит в том, что на этом простейшем примере мы видим непосредственную взаимосвязь между социально-экономическими структурами, порожденными конкретно-исторической деятельностью людей, с одной стороны, и эстетическими представлениями – с другой. При этом, безусловно, более глубинные эстетические представления (особенно в сфере искусства) имеют свою собственную имманентную и зачастую даже автономную от социальных структур и процессов динамику развития.

В приведенном же примере эстетическое нормативно показывает нам тот желательный тип индивидов – мужчин и женщин, – которые в наибольшей степени подходят именно для воспроизводства, сохранения и нормального функционирования того или иного типа общества. «Хлюпик»-интеллигент – человек будущего постиндустриального общества, – совершенно бесполезен (выражаясь словами Й. Геббельса, «биологически нецелесообразен») в эпоху палеолита. Именно отсюда берут свои корни и разного рода эстетические идеалы человека, правда, большей частью с неизбежными напластованиями «пережитков» прошлого.

Список литературы

1. Бычков В.В. Эстетическое // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 467.
2. Кондрашов П.Н. Исторические структуры повседневности. Попытка марксистского анализа. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. – 385 с.
3. Рябов А.А., Кондрашов П.Н. Эстетизация безобразного. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2012. – 150 с.
4. Рябов А.А. Попытка диалектического определения эстетических категорий прекрасного и безобразного // Молодой ученый. 2014. – №7. – С. 662–666.